

¹ Ручная книга древней классической словесности, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1817. Т. II. С. 21.

² См.: Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 371, 377.

Перевод до оригинала

Есть грот: Наяда там в полдненные часы
Дремоте предаёт усталые красы;
И часто вижу я, как нимфа молодая
На ложе лиственном покоится нагая,
На руку белую под говор ключевой
Склоняясь челом, венчанным осокóй.

Эта необыкновенная по изяществу идиллическая картинка на античный мотив написана Е. А. Баратынским в 1826 году и в первом его сборнике носила подзаголовок «Подражание Шенье». В самом деле, источник ее находится среди отрывков идиллий замечательного французского поэта, столь любимого Пушкиным и его литературными соратниками. Баратынский воспользовался шестым «фрагментом» Шенье «Je sais, quand le midi leur fait désirer l'ombre...», сжал его, сделав строже и лаконичнее, и лишь в конце довольно близко подошел к своему оригиналу: Наяда (нимфа вод) у Шенье «спит и при ропоте волн склонила на руку чело, увенчанное камышом».

Все это сейчас легко прочитать в комментариях к стихам Баратынского.

Идиллия не прошла незамеченной. Белинский в 1842 году включил ее в число стихов, «достойных памяти и внимания». Поэты подражали ей и брали из нее формулы:

Толпы Ондин, венчанных осокóй...¹

Стихи Шенье через посредничество Баратынского входили в русскую поэзию. И никто — даже, как можно подозревать, и Баратынский, — не предполагал или не помнил, что заключительный образ, точно передающий французский подлинник, существовал в русской поэзии прежде, чем она познакомилась со стихами Шенье.

В 1819 году Анри де Латуш впервые собрал стихи Андре Шенье и открыл Франции и Европе великого поэ-

та, до того известного лишь по нескольким строкам его соотечественников Шатобриана и Мильвуа и по отдельным стихотворениям, погребенным в старых газетах и альманахах или сохранившимся в памяти мемуаристов. С 1819 года имя Шенье называется и в русской литературе, а в начале 1820-х годов начинается его широкая известность. Формула же «венчанный осокóй» появляется ранее:

Мы находим ее у ближайшего друга Баратынского А. А. Дельвига в стихах «На смерть Державина» (1816), где он предсказывал Пушкину первое место на русском Парнасе:

Венчán осокóю ручей убежал от повергнутой урны,
Где Бахус на тигре, с толпою Вакханок и древним
Силеном,
Иссечен на мраморе — тина льется из мраморной
урны, —
И на руку нимфы склоняясь, печально плескает
струею!

Это была поэзия, полная античных мифологических образов. Бахус, Дионис — бог растительности, покровитель виноградарства и виноделия; Силен — его воспитатель и наставник... И в их числе была Наяда, склонившая голову на руку, как в идиллии Андре Шенье.

Баратынский, конечно, знал эти стихи. В 1819 году он жил вместе с Дельвигом, — и, быть может, самый образ Наяды получал окончательное воплощение на его глазах. В ранних редакциях эта строчка читалась:

И нимфа, на бреге сидя, уж не плещет в подругу струею...²

Что же касается первой строки, то она не была изобретением Дельвига. Молодой поэт перефразировал «Ключ» Державина:

Седящ, увенчан осокóю,
В тени развесистых деревьев,
На урну облегшись рукою,
Являющий лице небес
Прекрасный вижу я источник.

В 1779 году, когда создавались эти стихи, Андре Шенье было семнадцать лет и его идиллия еще не была написана.

«Перевод» был сделан до «оригинала».

Когда Баратынский прочитал впервые фрагмент из Шенье, в его воображении возникли поэтические ассоциа-

ции, которых он скорее всего и не осознавал. Он не «переводил» в точном смысле слова, он создавал свои стихи на тему Шенье, и в них возрождался опыт, уже накопленный русской поэзией. И центральный образ, и центральная поэтическая формула сложились в них самостоятельно, — стихи Шенье лишь пробудили и организовали поэтическую мысль. Так нередко происходило с переводами пушкинского времени, и маленькая идиллия Баратынского — не исключение, а очень характерный случай «оригинального перевода».

Впервые: Русская речь. 1988. № 4.

¹ Стихотворения Василия Романовича. СПб., 1832. С. 78.

² См.: Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. С. III, 287.

Почти неизвестный Тютчев

1

18 марта 1822 года в Москве собралось на свое очередное заседание Общество любителей российской словесности при Московском университете. В числе других произведений на нем было прочитано стихотворение «Уединение» (перевод медитации А. Ламартина «Одиночество»), принадлежащее отсутствовавшему в Москве совсем молодому сотруднику Общества Федору Тютчеву. Автор его, уже отличившийся «своими упражнениями в сочинении», полугодом ранее был утвержден в кандидатском достоинстве и вот уже полтора месяца находился в Петербурге, где служил в Государственной коллегии иностранных дел¹.

Стихи были замечены, и в майской книжке «Отечественных записок» адъюнкт по кафедре латинского языка И. М. Снегирев похвалил «очень хорошие стихи» «г. Тютчева, юного, многообещающего поэта». Это был первый отзыв о Тютчеве в печати.

Тем временем сам многообещающий поэт жил в Петербурге у троюродного брата своей матери графа А. И. Остермана-Толстого, и, по-видимому, завязал ка-

кие-то знакомства в петербургских литературных кругах. Во всяком случае, А. О. Корнилович, прозаик и историк, будущий декабрист, знавший его еще по Москве, представил его стихотворение в петербургское Вольное общество любителей российской словесности, где с января 1822 года состоял действительным членом. В заседании 20 марта — через два дня после московских чтений — члены этого общества двенадцатью голосами против одного одобрили сочинение «г. Тютчева». В числе слушателей были Ф. Н. Глинка, П. А. Плетнев, Н. А. и А. А. Бестужевы, А. А. Дельвиг, К. Ф. Рылеев и другие. Автор не присутствовал, и рукопись его осталась у Корниловича².

Одобренное почти одновременно в Петербурге и Москве, стихотворение появилось в Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете, в книжке четвертой части второй за 1822 год. Называлось оно «Одиночество», — так же, как значилось и в протоколах петербургского общества; итак, перед публикацией автор сумел заменить первоначальное заглавие.

2

Мы рассказали почти все, что известно сейчас об одном из первых выступлений в печати будущего великого поэта.

Но не только неведомые до поры до времени документы архивохранилищ, но и страницы более доступных читателю старых изданий могут открыть вещи, совершенно неожиданные.

Во всех собраниях стихотворений Тютчева указывается, что «Одиночество» появилось впервые в «Трудах» московского общества любителей российской словесности. Но если стихотворение было прочитано тогда же и в другом обществе — петербургском и одобрено им к печати, то его естественно искать на страницах «Трудов» этого общества — в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения».

Перелистав журнал за 1822 год, мы найдем его. Эта публикация «Одиночества» непостижимым образом прошла мимо внимания исследователей Тютчева. Она находится на страницах 346—348 третьей книжки восемнадцатой части журнала. Под ней стоит подпись: «Н. Тчв».